

УДК 323.2

ГЕТЕРАРХИИ КАК СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОТОИНСТИТУТЫ СОВРЕМЕННОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ*

В. О. Кротков

Государственный академический университет гуманитарных наук,
Российская Федерация, 119049, Москва, Мароновский пер., 26

В статье рассматриваются политические процессы, связанные с переходом ряда обществ от эпохи модерна к постмодернистским практикам. Экономические, технологические, культурные аспекты выступают в роли факторов, которые обуславливают отмеченный глобальный социальный транзит. В качестве основного противоречия современности, подверженного глобализационному влиянию, выделяется нерелевантность структурно-стратификационных характеристик общества, соответственно, его запросов, ценностных установок, ориентаций и институциональной архитектуры, которая сложилась в период развитого модерна и доминирует, преимущественно выражаясь в структурном, процедурном и нормативном плане. Можно констатировать, что масштабный социальный переход, ярко выраженный в урбанизированных пространствах, где складываются свои аутентичные практики, нормы, среды, арены, ресурсные возможности и т. д., все больше вступает в противоречие с этатистской формой политического управления. Несмотря на то что формальные политические институты подвержены девальвации, во многом замещаясь неформальными «правилами игры», что часто в политической науке интерпретируется как усиление неопатримониального влияния, их значение все еще остается достаточно высоким. Поскольку политическая сфера является отражением социальных отношений, анализируемый в статье постмодернистский транзит приводит к формированию и усилению гетерархий как социально-политических протоинститутов. В результате наблюдается взаимообусловленное влияние как вертикальных, свойственных модерну, так и горизонтальных процессов, норм и практик в социально-политическом контуре, которым имманентны сетевая логика, информационные коммуникации, новая социальная морфология. Резюмируется, что подобного рода социальные метаморфозы, скорее всего, будут только усиливаться, что приведет к преодолению сложившегося противоречия и формированию относительно устойчивого гибридного институционального дизайна, ключевым элементом которого будет являться логика гетерархий.

Ключевые слова: Модерн, постмодерн, глобализация, гетерархия, протоинституты, институционализация, сетевизация, информатизация.

* Статья подготовлена в Государственном академическом университете гуманитарных наук в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации, проект FZNF-2023-0004 — «Цифровизация и формирование современного информационного общества: когнитивные, экономические, политические и правовые аспекты» (123022000042-0).

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2024

ПРОБЛЕМНОЕ ПОЛЕ

Все большее количество современных обществ вступает в стадию перехода от модерна к эпохе постмодерна. Объективные процессы глобализации, несмотря на деглобализационные флуктуации [Абдулов, Джабборов, Комолов и др., 2021], детерминируют масштабный процесс урбанизации, который по научным прогнозам может привести к тому, что мировой рынок умных городов в 2027 г. будет составлять 1 трлн долл. (511 млрд долл. в 2022 г.)¹. Фактически формируется мировая тенденция по доминированию мегаполисов, в результате, как пишет И.С. Семененко, «на глобальный и макрорегиональный профиль претендуют сетевые объединения городов» [Семененко, 2022, с. 391]. Помимо этого, активно развиваются общественные практики, характерные для второго демографического перехода, которые выражаются в замедлении рождаемости, увеличении продолжительности жизни на фоне бурного развития здравоохранения и просвещения. Также следует отметить тенденцию, обуславливающую перманентное развитие технологических укладов. На смену пятому приходит шестой, характеризующийся тотальной информатизацией, сетевизацией и кластеризацией общественных сфер и процессов в трансграничных форматах, а также все большим преодолением экономики потребления. Отмеченные глобальные тренды не могли не затронуть саму социальную структуру, которая во многих ареалах мира существенным образом отличается от общественной структуры модерна. Постиндустриальный вектор развития практически полностью девальвировал крестьянство как массовый слой и существенно сократил рабочий класс на фоне того, что оставшиеся пролетарские слои серьезным образом подверглись технологическим метаморфозам. Социально-стратификационная структура все больше соответствует оценкам П. Бурдьё, которые он сделал еще в 1980-е годы, где роль символического капитала приобретает крайне важное значение и проблематизируется социальным конструктивизмом [Батуренко, 2021]. В настоящее время прекариатизация общества [Стэндинг, 2011] только лишь усиливается, что характерно видно на таких кейсах, как Россия, Китай, страны Старого света, Латинской Америки и др.

Очевидно, что такого рода кардинальные социальные сдвиги не могли не коснуться аксиологической составляющей бытия. По точному заключению Р. Инглхарта произошла «тихая революция», которая в рамках 5–7 поколений международных исследований ценностей выявляет явный тренд по отрыву обществ постмодерна от иных модернизированных социумов, что детерминировано экономическими (доминирование ценностей самовыражения над выживанием) и социокультурными (тенденция от коллективных, патриархальных

¹ Общество и ценности. Дифференциация темпов урбанизации / Институт статистических исследований и экономики знаний НИУ Высшей школы экономики. С. 3. URL: https://www.hse.ru/data/2023/06/23/2075879047/Trendletter_6_2023_Urbanization.pdf (дата обращения: 28.02.2024).

и во-многом клерикальных форм бытия в сторону индивидуально-секулярных ориентаций) факторами².

В результате можно констатировать, что скоротечный постмодернистский социальный переход обусловил основное противоречие, которое можно идентифицировать как нерелевантное состояние активно формирующей социальной структуры нового типа с соответствующими аксиологическими чертами, артикуляцией интересов, практиками, ориентациями и институциональной среды, которая в большей степени конгруэнтная структурным, процедурным и нормативным характеристикам общества модерна. В этой связи необходимо сформулировать целеполагание исследования, заключающееся в выявлении генезиса, идентификации и функционирования конституирующейся институциональной социально-политической среды, обусловленной постмодернистским переходом, который носит амбивалентный характер.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ ОБЩЕСТВА МОДЕРНА

Эпоха модерна во всех сферах общественной жизни характеризовалась определенной дифференцированной институциональной средой, что ее принципиально отличало от общества премодерна с трехступенчатой иерархичной сословной структурой [Тейлор, 2022, с. 33], которая минимизировала социальную мобильность.

Именно институциональная составляющая, идентифицирующаяся в широком плане как «правила игры» (формального и неформального свойства), канализировала общественный вектор развития по определенным траекториям, которые часто воспринимались в линейно-стадиальном формате. На этом фоне социальные институты, например нуклеарная семья, являлись производной тех масштабных процессов, с которыми был связан модерн. Естественно, что и политическая сфера в рассматриваемый период времени приобрела определенный вид, который институционально интерпретировался такими категориями политической науки, как: политическая система общества, политический порядок и режим. В данном контексте одна из классических дефиниций была сформулирована С. Хантингтоном: «Институты — это устойчивые, значимые и воспроизводящиеся формы поведения. Организации и процедуры могут обладать различным уровнем институционализации» [Хантингтон, 2004, с. 33].

Поскольку именно модернизационный сценарий общественного развития привел в XX в. к массовизации общества, его усложнению, новым осям социальных расколов [Lipset, Rokkan, 1967], можно говорить о том, что имманентная этому процессу акторная составляющая стала носить совершенно иную коннотацию. Так, политические субъекты морфологически представляли собой разные типы со своей политической специализацией (в рамках ветвей власти или иных сфер политического пространства), своими ресурсными возможностями

² Культурная карта мира Инглхарта-Вельцеля — Обзор мировых ценностей 7 (2023 г.). URL: <http://www.worldvaluessurvey.org/> (дата обращения: 25.02.2024).

(кадровыми, информационными, финансовыми, структурными, административными, силовыми, символическими и др.) и, соответственно, уровнем политического влияния на общественные процессы. В этом плане классификация политических акторов имела различные основания. Одним из ключевых был уровень институционализации, т. е. насколько тот или иной политический актор имел институциональные черты и возможности. Как рефлексировал В. С. Мартынов: «Модерн нормативно универсален, но при этом достаточно гетерогенен в институциональном плане» [Мартынов, 2022, с. 58].

Анализируемые практики с каждым новым этапом развития модерна приводили к масштабному процессу усиления институционально-политической дифференциации, что породило различные комбинации между политическим участием и степенью его институционализации. В результате в рамках развитого модерна складывались все более неунифицированные модели, которые выражались в различных практиках. Так, высокая степень участия и соответствующий уровень институциональных решений считался С. Хантингтоном классическим, что идентифицировалось как идеальная модель гражданского общества, детерминирующего демократический политический режим. Но разные модернизационные траектории, типы политической культуры порождали и неуниверсалистские паттерны. Так, латиноамериканские общества второй половины прошлого века показали достаточно устойчивую зависимость между активным уровнем политического участия и слабой институционализацией, что стало интерпретироваться в формулировке «преторианский режим», т. е. эти социальные пространства характеризовались недоинституционализированностью. Многочисленные государственные перевороты, авторитарные режимные модели и формы стали характерным признаком обществ данного социально-экономического и культурного уровня развития, что нельзя трактовать в негативном ключе, а следует рассматривать как особенности, специфичные черты, носящие институционально-воспроизводящий характер. Помимо этого, иная институциональная логика формировалась в СССР и входящих в его орбиту странах. Согласно Г. Бен-Дору в данных кейсах наблюдался процесс переинституционализации, когда конституировался высокий уровень институционального влияния в виде регламентации всех сфер общественной жизни на фоне низкой степени политического участия. Данная модель имела тоталитарные или посттоталитарные (по Х. Линцу) режимные характеристики и, как правило, сначала трансформировалась в неконсолидированный, а позже в консолидированный авторитарный порядок. Но главное — практики модерна преодолели прежний формат социального бытия (премодерн), которому было свойственно минимальное политическое участие с примитивной институциональной компонентой. В дальнейшем были предложены и иные формы, например квазиинституционализация, значение которой заключается в экстрактивной функциональности, противопоставляющейся инклюзивным социально-адаптивным институциональным решениям. В итоге логика развитого модерна привела к тому, что для любых форм режимных конфигураций имманентна неформальная институциональная практика, которая часто интерпретируется в категории «неопатримониализм». Ключевой

вопрос заключается лишь в том, в какой степени неопатримониальные институциональные формы развиты и представлены в политической сфере того или иного общества. По сравнению с формальным институциональным дизайном, который в середине прошлого века рассматривался как наивысший уровень политического развития и прогресса, активное развитие неформальных институтов может рассматриваться как процесс деинституционализации, так как их значение становится все менее социальным, подчеркивая кризисность настоящего этапа развития.

Но рассмотренная процессуальная логика институционализации, считающаяся классической, достаточно часто за рамки анализа выводит онтологическое измерение институциональной среды, на что справедливо обращает внимание М. А. Завадская [Завадская, 2009, с. 59]. В рамках содержательных компонентов политического института можно увидеть новые атрибутивные качества, которые могут иметь воплощение как в структурном, процедурном, так и нормативном виде. И если имеющиеся постмодернистско-глобализационные вызовы приводят к явной структурно-институциональной (политические партии, органы публичной власти) и процедурной (выборы, различные плебисцитарные механизмы) девальвации, то нормативный институциональный контур проявляет себя совсем по-другому, так как в его рамках начинают формироваться новые среды, которые актуализируются символической политикой. В этом плане процессуально-темпоральное измерение институтов приобретает совершенно иной характер, где прошлое играет роль настоящего в виде доминирующих нарративов, а будущее выглядит весьма туманным, хаотизированным, антагонистическим или, как минимум, агонистическим, так как подобная социальная оптика в полной мере не позволяет его идентифицировать. То есть привычные институциональные идеалы (преимущественно этатистского характера) и образы подвергаются кардинальной трансформации в условиях текучести и скоротечности современности [Бауман, 2008].

Не останавливаясь на частностях следует отметить, что социально-политическая инфраструктура модерна вышла на свой апогей к 1970–1980 годам, когда национальные матрицы этатистского порядка были подвержены существенному вторжению со стороны глобализационных трендов, которым были имманентны трансграничные связи, девальвация государственных суверенитетов, информационная унификация, технологическая дифференциация и специализация, экономические порядки, которые преодолевали режимно-демократическую телеологичность, ревизия культурных паттернов. В данном контексте В. А. Гуров отмечает, что «глобализационные процессы включают в себя новое структурирование мирового пространства, главным вектором которого является формирование многоуровневых сетевых структур» [Гуров, 2019, с. 57]. В результате наметился эксплицитный переход к постмодернистским нормам и правилам. Если социальные структуры достаточно быстро подверглись метаморфозам с усиливающейся прекариатизацией, то прежние, десятилетиями складывающиеся «правила игры» в виде привычной институциональной архитектуры модерна стали носить рудиментарный характер.

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ ВЫЗОВ ПОСТМОДЕРНА

Постмодернистский транзит для множества общественных образований в разных частях Земли в той или иной степени связан, как было отмечено выше, со стремительно меняющейся структурой обществ, прошедших путь модернизации. Социально-структурная характеристика новой эпохи связана с преобладанием прекариата как кочующего класса в себе и планомерным сокращением сарариата.

Помимо этого, анализируемый социальный переход характеризуется тем, что прежняя многофункциональная и институционализированная монополия, олицетворяемая государством модерна, становится все менее релевантной социальным запросам и все менее эффективно справляется с глобальными, региональными, национальными кризисами, что детерминирует поэтапное сворачивание социального государства, где оно имело свое воплощение. Рассматриваемая этатистская монополия также все более перестает выполнять роль эффективного арбитра в разрешении социальных противоречий. Даже фундаментальная для него функция легитимного насилия (М. Вебер) трансформируется в диверсифицированные отношения, в рамках которых частные военные кампании, частные компании ВПК, силовые подразделения ТНК, частные детективные агентства, криминальные военизированные группировки, внешние рынки по разработке и продаже оружия и др. приобретают все более высокое значение. Можно сделать промежуточный вывод, что этатистская монополия модерна поэтапно девальвируется, приводя к естественному институциональному кризису. В анализируемых условиях происходит усиление влияния неформальных институтов за счет формальных, где государство всегда было основным фундаментальным базисом. В данной исследовательской оптике В. С. Мартьянов констатирует, что «монополия государства пребывает в постоянном историческом процессе инкорпорации исключений, образующих основу реальной гетерархии в виде других ценностей, догм, норм, институтов как возможных источников легитимности государства» [Мартьянов, 2009, с. 231]. То есть оно отчаянно пытается спасти свою экзистенциальную основу, но глобализационные процессы и вызовы в той или иной степени заставляют реконфигурироваться этатистский порядок с имманентной ему институциональной архитектурой, в которой аппарат насилия всегда играл большую роль. Но мировая конкуренция для обществ постмодернистского перехода — это новые правила игры, в которых выигрывает не сильный в привычном измерении, а более гибкий, мобильный, адаптивный, креативный, инклюзивный субъект. Инвестиции, технологические решения, информационные технологии, фронтальные исследования, наукоемкие технологии, человеческий капитал, кооперация, экосистемная логика и т. д. — это то, что позволяет институционализироваться новому обществу постмодерна. В рамках данной логической канвы начинают формироваться и активно развиваться гетерархии, которые как раз поэтапно замещают прежнюю институциональную среду, находящуюся в условиях транзита в сторону все большей дифференциации и дисфункциональности. Это объективный процесс развития, который можно лишь притормозить, но не обратить вспять. Так, И. В. Мирошниченко,

Н. А. Рябченко, Е. В. Морозова прогнозируют, что властно-социальный баланс будет формироваться на базе развивающихся гетерархий, которые своим существованием сподвигнут формальные этатистские институциональные образования к адаптации под новые артикуляции и вызовы: «Главным двигателем политической активности станут хорошо организованные сети гражданского общества, обладающие политическими амбициями и умеющие на профессиональном уровне использовать ресурсы online-пространства (система открытых данных, метаданные и контент социальных сервисов), что способствует изменению прежней системной политической логики. В свою очередь, государство и политическая элита будут вынуждены приспосабливаться к этим процессам, если они хотят сохранить свою дееспособность» [Мирошниченко, Рябченко, Морозова, 2015, с. 120]. Но рассматриваемые метаморфозы носят не линейно-поступательный характер, а выражаются в различных противоречиях, расколах и флуктуациях. В частности, актуализируется аспект, связанный с устойчивостью политического порядка: насколько новые вызовы и структурные, процедурные, функциональные общественные изменения способны повлиять на институциональный гомеостазис. Как подчеркивает Л. В. Сморгун, «ключевую роль в изучении управляемости играет развитие сетей управления и политических сетей, которые возникают в связи с распределением ресурсов, растущим влиянием негосударственных субъектов на процессы принятия решений и, как следствие, снижением роли государства как ключевого политического игрока» [Сморгунов, 2021, с. 14]. Другими словами, возникает прямая потребность в выработке конгруэнтного теоретико-методологического инструментария, который мог бы позволить адекватно анализировать сетевые формы социально-политического пространства, все больше отдаляющегося от государства и замещающегося неформальной акторностью и институционализацией. К примеру, в исследовании проблематики сетевого протеста вносят свой вклад П. Говард и М. Паркс [Howard, Parks, 2012]. В то же время исследователи Е. В. Бродовская, А. Ю. Домбровская, Д. Н. Карзубов, А. В. Синяков отмечают, что «эвристический потенциал интеллектуального поиска цифровых маркеров политических процессов основан на комплексе преимуществ автоматического и автоматизированного анализа информационных потоков социальных медиа» [Бродовская, Домбровская, Карзубов, Синяков, 2017, с. 101], который опирается на метод Predictor Mining, анализирующий цифровой след.

Постмодернистское общество все больше становится гетерархичным, когда «третий сектор» начинает играть особую роль на фоне усиления горизонтальных связей, для которых адаптивна сетевая форма взаимодействия. Но и этатистские институциональные элементы до сих пор продолжают играть важную роль в политической жизни. В результате происходит процесс диффузии, когда новые институты гражданского общества переплетаются с вертикально-интегрированными структурами. Как констатирует В. Ю. Своеволин, «сочетание со сложившимися государственными институтами достигается на базе смешанной матричной структуры управления с двумя координирующими уровнями: иерархическим и гетерархическим» [Своеволин, 2010, с. 105]. Формирование гетерархий как типа политической коммуникации, с точки зрения В. А. Осипова,

идентифицируется близкой смысловой коннотацией, т. е. как «процесс и результат взаимодействия и взаимопроникновения иерархических и сетевых структур, горизонтальных и вертикальных процессов» [Осипов, 2016, с. 40].

В то же время редуccionистски противопоставлять развивающиеся сетевые формы коммуникаций, экосистемные подходы, информационные решения государственным структурам и органам нельзя, так как при их общей ригидности наблюдается активный процесс как на наднациональном (преимущественно в корпоративном секторе), так и национальном, региональном, муниципальных уровнях достаточно существенных преобразований, которые с технологической точки зрения коррелируют с информационно-сетевым ренессансом. Так, исследователи А. В. Курочкин, А. Г. Дедуль, Л. С. Шалев, И. А. Бабюк проводят анализ важности «использования цифровых систем управления, таких как система планирования ресурсов предприятия (ERP-система) в публичной политике и городском управлении» [Курочкин, Дедуль, Шалев, Бабюк, 2023, с. 649]. В результате российский кейс, преимущественно в виде федеральных и региональных практик, показывает, что государственные институты вполне могут быть гибкими, мобильными, цифровыми, т. е. в максимальной степени удовлетворяющими потребности и запросы граждан. К примеру, деятельность Федеральной налоговой службы РФ носит весьма инновационный характер, что позволяет преодолевать многочисленные социальные издержки. Или практики, активно развивающиеся на уровне субъектов федерации. В частности, московский кейс выглядит весьма релевантным гетерархичным моделям, что в результате приводит к общественному развитию в рамках идентифицированного гибридного свойства коммуникаций (см.: [Castells, 2007]). Помимо этого, нельзя не отметить тот факт, что эффективность гражданского общества постмодерна на уровне городских арен и шире зависит от ресурсных возможностей и институциональных ограничений, которые весьма специфично проявляются в негомогенном социальном пространстве. Складывающаяся дифференциация часто приводит к наличию активного социального ядра, которое далеко не всегда имеет широкую ресурсную базу, но перманентно пытается приобрести институционализованный вид, и социальной периферии, во многом инертного и аморфного свойства, выполняющей роль стороннего наблюдателя. Сформулированная социальная роль, как отмечают А. И. Кольба и Э. В. Орфаниди, «сводится к позиции “внимательной публики”, которая участвует в публичном дискурсе, однако слабо включена в процессы выбора альтернатив, их утверждения и реализации решений, активизируясь на стадии обратной связи» [Кольба, Орфаниди, 2023, с. 363].

Также следует затронуть аспект, касающийся новых социальных расколов общества постмодернистского перехода. Крайне важным является характер локации, социальной среды, в которой происходят существенные метаморфозы. Так, урбанизированный социальный ландшафт создает высокую концентрацию гетерогенных социальных арен, имеющих те или иные ресурсные возможности, политические предпочтения и практики [Летняков, Шарова, 2023, с. 156], приводя, с одной стороны, к формированию коммунитаристской аксиологии (сообщество сообществ), с другой, достаточно часто — к «стигматизации элит»

[Глухова, 2022], что обуславливает дихотомию в виде консолидирующегося как глобализационно-демократического дискурса (леволиберальный лагерь), так и политико-популистской повестки (антиглобализационно-традиционалистский сегмент). Выделенные социально-политические среды вынуждены уживаться при любом политическом режиме, но их функционирование происходит в формате антагонизма (авторитарный порядок, в рамках которого осуществляется преодоление постполитики) или агонизма (демократическая режимная конфигурация, имеющая при всех противоречиях единую аксиологическую основу в виде общего блага).

В той или иной степени современная эпоха перехода к постмодерну характеризуется процессом деинституционализации, что неизбежно приводит к усилению неконвенционального политического поведения в зонах столкновения выделенных социальных сред. Но устойчивость постмодерна возникнет тогда, когда сформируется и конституируется релевантная времени институциональная архитектура, имеющая черты нового гетерархичного политического порядка. По метафоричному выражению К. Поппера, институты надо спроектировать и заселить, чтобы они представляли собой крепости [Поппер, 1992, с. 167], т. е. правила, которые носят устойчивый, общезначимый и воспроизводящийся характер (С. Хантингтон).

Но анализируемая транзитная фаза пока еще далека от своей новой институционализации, в результате, с точки зрения К. А. Качусова, «возникает институт «неизбранных представителей», которые отстаивают интересы сообществ, не состоя в формализованных властных институтах» [Качусов, 2023, с. 448]. Подобного рода дисфункции будут иметь место, пока стремительно меняющаяся социальная среда не детерминирует новые протонормы (Г. Б. Клейнер) и последующий институциональный дизайн, который с высокой долей вероятности будет носить именно гетерархичный характер. Другими словами, объективно-развивающиеся социальные процессы окажут существенное влияние на политическую гетерархичность, которая будет трансформироваться в фрейме трансграничной информатизации и сетевизации, что будет выражаться в гибридной субъектности с релевантными методами и стратегиями политической борьбы, гибких практиках и институциональной политической архитектуре более динамичного свойства, а также ресурсных возможностях, среди которых особое место занимает символическо-аксиологический капитал как инструмент легитимизации политического господства и влияния. В данном контексте актуализируются исследовательские перспективы, направленные на формулирование комплексного методологического инструментария и эвристичного понятийно-категориального аппарата политической науки, позволяющих адекватно интерпретировать современные социально-политические модели, процессы, институты и технологии.

Литература

- Абдулов Р. Э., Джабборов Д. Б., Комолов О. О., Маслов Г. А., Степанова Т. Деглобализация: кризис неолиберализма и движение к новому миропорядку: Научный доклад. М.: Научная лаборатория современной политэкономии, 2021. 270 с. <https://doi.org/10.13140/RG.2.2.28808.14087>
- Батуренко С. А. Социальная стратификация в социологической теории П. Бурдьё // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. 2021. Т. 27, № 2. С. 26–43. <https://doi.org/10.24290/1029-3736-2021-27-2-26-43>
- Бауман З. Текущая современность / пер. с англ. С. А. Комарова. М.: Питер, 2008. 238 с.
- Бродовская Е. В., Домбровская А. Ю., Карзубов Д. Н., Синяков А. В. Развитие методологии и методики интеллектуального поиска цифровых маркеров политических процессов в социальных медиа // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2017. № 5 (141). С. 79–104. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2017.5.06>
- Глухова А. В. Новые кризисы, социальные размежевания, дискурсивные конфликты и проблема общественного единства в XXI веке // Политическая наука. 2022. № 3. С. 36–56. <https://doi.org/10.31249/poln/2022.03.02>
- Гуторов В. А. Модернизация против глобализации: о некоторых парадоксах современной интерпретации // Философия политики и права. 2019. № 10. С. 48–59.
- Завадская М. А. Проблема измерения политической институционализации: современное состояние исследований // Политическая наука. 2009. № 3. С. 56–70.
- Качусов Д. А. Взаимодействие гражданских активистов с институтами власти и местного самоуправления в регионах Юго-Западной Сибири: механизмы и проблемы // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2023. Т. 19, № 3. С. 446–460.
- Кольба А. И., Орфаниди Э. В. Городские сообщества как группы интересов в локальной политике: концептуальный анализ // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Государственное и муниципальное управление. 2023. Т. 10, № 3. С. 357–366. <https://doi.org/10.22363/2312-8313-2023-10-3-357-366>.
- Курочкин А. В., Дедуль А. Г., Шалев Л. С., Бабюк И. А. Цифровые системы в публичной политике и городском планировании: лоббирование, примеры и рекомендации к дальнейшему применению // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2023. Т. 25, № 3. С. 647–662. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2023-25-3-647-662>
- Летняков Д. Э., Шарова В. Л. Город как полис: агонистические практики в городской среде // Журнал социологии и социальной антропологии. 2023. Т. 26, № 4. С. 136–162. <https://doi.org/10.31119/jssa.2023.26.4.5>
- Мартыанов В. С. Генезис и ценностно-институциональная эволюция Модерна // Антиномии. 2022. Т. 22, Вып. 3. С. 42–71. https://doi.org/10.17506/26867206_2022_22_3_42
- Мартыанов В. С. Государство и гетерархия: субъекты и факторы общественных изменений // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2009. № 9. С. 230–248.
- Мирошниченко И. В., Рябченко Н. А., Морозова Е. В. Гетерархии как гибридные политические институты новой политической реальности // Каспийский регион: политика, экономика культура. 2015. № 4 (45). С. 116–121.
- Осипов В. А. Гетерархия в системе взаимодействия государства и общества на примере социальной политики в г. Москве: введение понятия и методологические аспекты применения // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2016. № 1. С. 36–47.
- Поппер К. Открытое общество и его враги: в 2 т. Т. 1. М.: Феникс, 1992. 448 с.
- Своеволин В. Ю. Формирование инновационной экономики в России как основы постиндустриального общества: институционально-эволюционный подход // Журнал институциональных исследований. 2010. Т. 2, № 1. С. 100–111.
- Семененко И. С. Формирование новых политических пространств: фактор идентичности // Политические вызовы и политический диалог в условиях глобальной турбулентности: Ма-

териалы Всероссийской конференции РАПН с международным участием. Москва, ИНИОН РАН, МГИМО МИД России, 2–3 декабря 2022 г. / под ред. О. В. Гаман-Голутвиной, Л. В. Сморгунова, Л. Н. Тимофеевой. М.: Аспект Пресс, 2022. 536 с.

Сморгунов Л. В. Цифровизация и сетевая эффективность государственной управляемости // Политическая наука. 2021. № 3. С. 13–36. <https://doi.org/10.31249/poln/2021.03.01>

Стэндинг Г. Прекариат: новый опасный класс. М.: Ад Маргинем, 2011. 328 с.

Тейлор Ч. Современный моральный порядок // Антиномии. 2022. Т. 22, № 3. С. 26–41.

Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах / пер. с англ. В. Р. Роки-тянского. М.: Прогресс-Традиция, 2004. 480 с.

Castells M. Communication, Power and Counter-power in the Network Society // International Journal of Communication. 2007. № 1. P. 238–266.

Howard P., Parks M. Social Media and Political Change: Capacity, Constraint, and Consequence // Journal of Communication. 2012. N 62. P. 359–362. <https://doi.org/10.1111/j.1460-2466.2012.01626.x>

Lipset M., Rokkan S. Cleavage Structures, Party Systems and Voter Alignment. New York: Free Press, 1967.

Кротков Владимир Олегович — д-р полит. наук,
<https://orcid.org/0009-0002-1274-4958>, vladimir.dussel@gmail.com

Статья поступила в редакцию: 10 марта 2024 г.;

рекомендована к печати: 27 мая 2024 г.

Для цитирования: Кротков В. О. Гетерархии как социально-политические протоинституты современной трансформации // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2024. Т. 20, № 3. С. 574–586. <https://doi.org/10.21638/spbu23.2024.313>

HETERARCHIES AS SOCIO-POLITICAL PROTO-INSTITUTIONS OF MODERN TRANSFORMATION*

Vladimir O. Krotkov

State Academic University of Humanities,
26, Maronovsky per., Moscow, 119049, Russian Federation; vladimir.dussel@gmail.com

The article examines the political processes that are associated with the transition of a number of societies from the modern era to postmodern practices. Economic, technological, and cultural aspects act as factors that determine the noted global social transit. The main contradiction of modernity, which is subject to the influence of globalization, is the irrelevance of the structural and stratification characteristics of society, according to its requests, values, orientations and institutional architecture, which developed during the period of developed modernity and dominates, mainly expressed in structural, procedural and normative terms. It can be stated that there is a large-scale social transition, pronounced in urbanized spaces, where authentic practices, norms, environments, arenas, resource opportunities, etc. are being formed. It is increasingly in conflict with the statist form of political governance. Despite the fact that formal political institutions are subject to devaluation, largely being replaced by informal «rules of the game», which is often interpreted in political science as an increase in neopatrimonial influence, their importance still remains quite high. Since the political sphere is a reflection of social relations, the postmodern transit analyzed in the article leads to the formation and strengthening of heterarchies as

* The article was prepared at the State Academic University of the Humanities as part of the state assignment of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, the FZNF-2023-0004 project — “Digitalization and formation of a modern information society: Cognitive, economic, political and legal aspects” (123022000042-0).

socio-political proto-institutions. As a result, there is an interdependent influence of both vertical, characteristic of modernity, and horizontal processes, norms and practices in the socio-political circuit, which are inherent in network logic, information communications, and a new social morphology. It is summarized that such social metamorphoses are likely to only intensify, which will lead to overcoming the existing contradiction and the formation of a relatively stable hybrid institutional design, the key element of which will be the logic of heterarchies.

Keywords: modern, postmodern, globalization, heterarchy, proto-institutions, institutionalization, networking, informatization.

References

Abdulov R. E., Jabborov D. B., Komolov O. O., Maslov G. A., Stepanova T. *Deglobalization: The crisis of neoliberalism and the movement towards a new world order*: Scientific report. Moscow: Scientific Laboratory of Modern Political Economy, 2021. 270 p. <https://doi.org/10.13140/RG.2.2.28808.14087> (In Russian)

Baturenko S. A. Social stratification in P. Bourdieu's sociological theory. *Moscow State University Bulletin. Series 18. Sociology and Political Science*. 2021, vol. 27, no. 2, pp. 26–43. <https://doi.org/10.24290/1029-3736-2021-27-2-26-43> (In Russian)

Bauman Z. *Fluid modernity*, transl. from English by S. A. Komarova. Moscow; St. Petersburg: Piter Publ., 2008, 238 p. (In Russian)

Brodovskaya E. V., Dombrovskaya A. Yu., Karzubov D. N., Sinyakov A. V. Development of methodology and methodology of intellectual search for digital markers of political processes in social media. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny*, 2017, no. 5 (141), pp. 79–104. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2017.5.06> (In Russian)

Glukhova A. V. New crises, social divisions, discursive conflicts and the problem of social unity in the XXI century. *Political Science*. 2022, no. 3, pp. 36–56. <https://doi.org/10.31249/poln/2022.03.02> (In Russian)

Gutorov V. A. Modernization against globalization: on some paradoxes of modern interpretation. *Philosophy of Politics and Law*. 2019, no. 10, pp. 48–59. (In Russian)

Huntington S. *Political order in changing societies*, transl. from English by V. R. Rokityansky. Moscow: Progress-Traditsiya Publ., 2004. 480 p.

Kachusov D. A. Interaction of civil activists with institutions of government and local self-government in the regions of Southwestern Siberia: mechanisms and problems. *Political expertise: POLITEX*, 2023, vol. 19, no. 3, pp. 446–460. (In Russian)

Kolba A. I., Orfanidi E. V. Urban communities as interest groups in local politics: a conceptual analysis. *RUDN Journal of Public Administration*. 2023, vol. 10, no. 3, pp. 357–366. <https://doi.org/10.22363/2312-8313-2023-10-3-357-366> (In Russian)

Kurochkin A. V., Dedul A. G., Shalev L. S., Babyuk I. A. Digital systems in public policy and urban planning: lobbying, examples and recommendations for further application. *RUDN Journal of Political Science*, 2023, vol. 25, no. 3, pp. 647–662, <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2023-25-3-647-662> (In Russian)

Letnyakov D. E., Sharova V. L. The city as a polis: agonistic practices in the urban environment. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii*, 2023, vol. 26, no. 4, pp. 136–162. <https://doi.org/10.31119/jssa.2023.26.4.5> (In Russian)

Martianov V. S. The state and heterarchy: subjects and factors of social change. *Nauchnyi ezhegodnik Instituta filosofii i prava Ural'skogo otdeleniia Rossiiskoi akademii nauk*, 2009, no. 9, pp. 230–248. (In Russian)

Martyanov V. S. Genesis and value-institutional evolution of Modernity. *Antinomies*, 2022, vol. 22, iss. 3, pp. 42–71. <https://doi.org/10.17506/26867206-2022-22-3-42> (In Russian)

Miroshnichenko I. V., Ryabchenko N. A., Morozova E. V. Heterarchies as hybrid political institutions of a new political reality. *Kaspiiskii region: politika, ekonomika kul'tura*, 2015, no. 4 (45), pp. 116–121. (In Russian)

Osipov V. A. Heterarchy in the system of interaction between the state and society on the example of social policy in Moscow: Introduction of the concept and methodological aspects of application. *RUDN Journal of Political Science*, 2016, no. 1, pp. 36–47. (In Russian)

Popper K. *Open Society and its enemies*: in 2 vols., vol. 1, Moscow: P Feniks Publ., 1992. 448 p. (In Russian)

Semenenko I. S. *The formation of new political spaces: The identity factor. Political challenges and political dialogue in the context of global turbulence: Proceedings of the All-Russian RAPN Conference with international Participation*. Moscow, INION RAS, MGIMO Ministry of Foreign Affairs of Russia, December 2–3, 2022, ed. by O. V. Gaman-Golutvina, L. V. Smorgunov, L. N. Timofeeva. Moscow: Aspekt Press Publ., 2022. 536 p. (In Russian)

Smorgunov L. V. Digitalization and network efficiency of state governance. *Political Science (Ru)*, 2021, no. 3, pp. 13–36. <https://doi.org/10.31249/poln/2021.03.01> (In Russian)

Standing G. *Precariat: A new dangerous class*. Moscow: Ad Marginem Publ., 2011. 328 p. (In Russian)

Svoevolin V. Yu. The formation of an innovative economy in Russia as the basis of a post-industrial society: The institutional-evolutionary approach. *Zhurnal institutsional'nykh issledovaniy*, 2010, vol. 2, no. 1, pp. 100–111. (In Russian)

Taylor Ch. Modern moral order. *Antinomies*, 2022, vol. 22, no. 3, pp. 26–41. (In Russian)

Zavadskaya M. A. The problem of measuring political institutionalization: The current state of research. *Political Science*, 2009, no. 3, pp. 56–70. (In Russian)

Received: March 10, 2024

Accepted: May 27, 2024

For citation: Krotkov V. O. Heterarchies as socio-political proto-institutions of modern transformation. *Political Expertise: POLITEX*, 2024, vol. 20, no. 3, pp. 574–586. <https://doi.org/10.21638/spbu23.2024.313> (In Russian)